

Клад на словах

Виктория Соколова

Виктория Андреевна Соколова

Клад на словах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69503176

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой поэт находит в горах Шотландии легендарные манускрипты. Европа превозносит его. Вот только это все ложь.

Содержание

Пролог	4
1 глава	8
2 глава	17
3 глава	23
4 глава	28
5 глава	32

Виктория Соколова

Клад на словах

Пролог

Дослушав барда до конца, Джеймс Макферсон понял, что он обречен. Он любезно улыбался, видя, в каком диком восторге старик был от собственного прочтения и от того, что к нему и его легенде проявили интерес. Джеймс задал несколько уточняющих вопросов, на которые пожилой бард ответил тем, что пересказал всю легенду заново слово в слово. В конце концов, Джеймсу удалось вырваться из ветхого каменного жилища и из рук суестьи хозяйки, которая непременно хотела оставить его на ужин и на ночевку.

Когда он оказался на улице, Джеймс поспешил покинуть селение, желая спрятаться в лоне природы. Холодный ветер дул ему в лицо, но он не обращал внимания.

Обвешанный сумками со всех сторон, он шел вверх по холмам. Карманы были забиты материалами, манускриптами, записями, черновыми переводами, бумажками, которые не пригодятся ему или, может, еще пригодятся? Он лелеял надежду.

И все эти килограммы он нашел за один раз. Старый бард

сохранил все. Необъятные горы исписанных листов пылились в его доме поколениями. Джеймс не стал говорить старику, что лишь сотая доля того, что он ему передал, будет иметь хоть какое-то отношение к делу – признать это значило также и признать, что он не мог переводить с гэльского с ходу. А этого не выдержала бы его гордость. Снова слышать: но как Вы можете собирать материалы на гэльском языке, если не владеете им?

Над ним бы смеялись. Все станут насмехаться над ним, если он не преуспееет.

Хуже всего то, что задача была заведомо невыполнимой, и, согласившись на нее, он поставил себя в такое положение, что теперь каждый сочтет за честь ему разъяснить, как он сглупил. Он станет посмешищем, а потом станет никем. Снова.

Легендарный вождь Фингал жил в III веке нашей эры. Как спустя полторы тысячи лет собрать обрывки его наследия в единый эпос? И за полгода! О чем они думали?

Джеймс Макферсон никогда не чувствовал себя таким одиноким, как сейчас, брошенный эдинбургскими друзьями на произвол судьбы в горах Шотландии.

Небо было затянуто серыми тучами, выл ветер. Джеймсу ни за что не удастся исполнить поручение, возложенное на него друзьями, не говоря уже о том, чтобы сделать это в срок. Мысль о разочарованном лице Блэра, о презрительном – Хоума мучила его. Они решат, что он был зарвавшимся

сельским учителем, вчерашним школяром, который просто хотел обогатиться и переоценил свои возможности.

Или они смеялись над ним, они хотели, чтобы он выставил из себя дурака, они играли его гордостью, его желанием выбиться в люди.

Нет! Он знал, что это не так. Их любопытство было столь же возбуждено, как его собственное, он это хорошо чувствовал. Они были бы так же разочарованы в нем, как и он сам, если бы это предприятие обернулось унижением и провалом. Этого он не мог допустить. Это значило бы опозорить свое имя, имя рода и Шотландию. Собственными руками доказать, что шотландцы не смогли сохранить собственное наследие, или что он не сумел его найти, дав, однако, слово.

Но если ничего там нет?

Джеймс огляделся. Вдали стояли горы, доказывающие одним своим видом, что под ними должны были происходить легендарные события, достойные Гомера. Озера цвета голубики между ними были самой яркой частью пейзажа.

Всегда Джеймс стремился в Эдинбург, в Лондон, к цивилизации, но здесь находилось красивейшее из зрелищ, которые он когда – либо видел.

Что хотели от него друзья? Чего они ждали? На какие средства он должен был перемещаться по Высокогорью, объездить острова? Хоум дал денег, да, но их не хватало – денег всегда не хватало. Как он должен был успеть все записать, перевести, понять... Только чтобы выслушать горца,

чтобы перевести и перевести красиво, литературно, требовались недели, а ведь он даже не знал, где искать горцев, которые рассказали бы ему именно о подвигах Фингала, а не о ком –нибудь другом. Не говоря уже о том, как мало их осталось и как трудно их было найти.

Если он не найдет что – то, его жизнь, его литературная, а значит и лучшая его жизнь, кончена. Они никогда не дадут ему второй шанс. Они высмеют его, и тогда – даже если по какой – то прихоти они в будущем захотят оказать ему поддержку – он будет вынужден отказаться.

Провальная затея, и он знал это сам. Конец его едва начавшейся карьеры.

А что если?.. Но как он мог! Ведь он даже физически не сможет написать...

Но если он не мог писать, что он мог?.. Эта мысль оказалась странно вдохновляющей.

Заморосил дождь, и Макферсон вернулся обратно в селение, а там и в дом, где ему предлагали переночевать. Он поужинал со стариками, а потом закрылся в отдельной комнате и стал писать как сумасшедший. Он не останавливался.

Во власти вдохновения он лишь иногда сверялся с первоисточниками.

1 глава

В престижном Абердинском университете Джеймс провел два года. За время учебы он не перенял у своих учителей ничего, кроме убеждения одного профессора, что художественный вкус сродни пяти основным чувствам человека – обонянию, осязанию, зрению, слуху и вкусу. С этим он, как человек, с ранних лет относивший себя к литераторам, был вполне согласен. Все экзамены Джеймс, впрочем, сдавал на отлично.

С сокурсниками он не сошёлся совершенно, хотя и хотел бы. Обстоятельства сложились против него. Дети зажиточных горожан не хотели общаться с деревенским выскочкой, а предложения дружбы от деревенских детей отвергал сам Джеймс, не видя между ними и собой ничего общего, кроме происхождения.

Он провел эти два года, подрабатывая гувернером, читая все, что представляло для него интерес в коллежской библиотеке, и сочиняя стихи.

Все изменилось по вине городской администрации. Они продлили учебный год на два месяца. Это был плевок в лицо неимущим студентам, так как без этих двух летних месяцев они не успевали заработать на учебу.

Случился скандал, по итогам которого всех студентов,

оказавшихся в подобном положении, перевели в другой колледж, где их спокойно приняли.

Там Джеймс продолжил учебу и быстро завоевал уважение своих новых профессоров. Библиотека его новой Альма-Матер оказалась в разы меньше той, к которой он привык, но была не без скрытых сокровищ. Джеймс тогда увлекся древностью, но не классической греко-римской, а своей, шотландской. Кроме того он продолжал изучать гэльский язык. Джеймс дошел в своих изысканиях до древних легенд, когда вдруг понял, что учеба закончилась, а он оказался на улице, хуже того – на беспутье.

Зиму он из упрямства провел в Абердине, работая где придется, но летом был вынужден вернуться в родную деревню Рутвен. Он хотел остаться в городе, всеми силами пытался уцепиться за любую возможность, но все предложения, которые он находил, были оскорбительны и вели в никуда, и он предпочел уехать.

То, что для него казалось позором, для его родителей стало поводом для гордости – как же, сын фермера, а закончил Абердинский колледж! По прибытию домой он еще и удостоился должности сельского учителя, единственного на всю округу. Старшая сестра Жаннет строго и торжественно поздравила его. Младшая Маргарет была рада, потому что все были рады. Джеймс, чувствуя, что окно в жизнь для него снова захлопнулось, зажил деревенской жизнью. Иногда ему казалось, что он никогда и не уезжал, а иногда, что он здесь

только проездом.

На досуге Джеймс продолжал изучать кельтскую культуру, которая все более увлекала его. Он расспрашивал отца и его знакомых о том, кто мог что-то знать, и на правах учителя наносил визиты в дома, где часто находил то, что искал.

Джеймс продолжал сочинять стихи. Свои первые, как потом выяснилось, неудачные опыты он даже отправлял в единственную газету в округе, и некоторое там даже печатали.

Жизнь протекала неторопливо, как вдруг судьба нанесла ему сразу два удара. Друг детства погиб за океаном, во время штурма Квебека, защищая город от американских бунтовщиков. А здесь, в доме через улицу, сгорела чахоткой его первая любовь. Ей он посвятил лучшие из написанных им тогда стихов: "Последней, но прекраснейшей из уходящего племени".

После похорон Джеймс не захотел больше оставаться в деревне, где ничего не происходило и все готовилось к смерти, и решил снова попытать свое счастье в городе.

На этот раз он нацелился на столицу. Эдинбург был к нему благосклонен.

Он устроился гувернером в семью лорда Кристиана Грэм, причем леди Грэм была к нему особенно расположена, а лорд Грэм часто пропадал по делам в далекой Австралии.

Леди Грэм знала о литературных стремлениях Макферсона, потому что тогда он читал свои стихи всем и каждо-

му. Она взяла его под свое покровительство и разрешила появляться в высшем свете вместе с ее сыном, якобы для того, чтобы Джеймс курировал неопытного подростка, но на самом деле с той целью, чтобы сам Джеймс завел полезные знакомства.

Одним судьбоносным вечером она сказала ему:

– Обратите внимание, что мы едем к Фергюсонам, а их сын знаком с автором Дугласа. Лично!

Автором Дугласа был Джон Хоум, один из самых прославленных поэтов Шотландии того времени. Поэма "Дуглас" три года назад прогремела настолько громко, что слышали о ней даже люди, очень далекие от литературы, и она то и дело возвращалась в моду.

Джеймс легко поладил с Адамом Фергюсоном, который, как и он, искал, чему бы посвятить свою жизнь после завершения учебы. Стихи Джеймса Фергюсон оценил очень высоко и дал клятвенное обещание рассказать о них своему другу Джону Хоуму с гарантией, что тот их обязательно полюбит.

Через пару недель представилась возможность для знакомства.

Брат Леди Грэм устраивал ужин, который собирался посетить и Хоум.

Сначала тот, как школьника, допрашивал Джеймса об Античности, как об основе всех вещей. Джеймс возблагодарил небо, что эту страсть они разделяли в отличии, например, от их политических воззрений. Десять лет назад родной дя-

дя Джеймса повел свой клан на подмогу красавчику принцу Чарли, а молодой Хоум присоединился к англичанам в усмирении этого бунта. О последнем факте Джеймсу поведала леди Грэм. Ее опасения были напрасны: искусство для Джеймса было превыше всего.

– Говорят, в Высокогорье пересказом древних преданий занимаются даже дети. – Хоум чуть ли не зевнул. – А Ваши барды, если прислушаться, рассказывают о самом Фингале и иже с ними. Мне это очень любопытно последнее время. Фергюсон говорил, что вы можете удовлетворить мое любопытство, как уроженец тех мест?

– Несомненно, – ответил Джеймс мгновенно. – Я ручаюсь Вам, что все так и есть. Я лично слышал поэзию, которая заткнет за пояс многое из того, что печатается сейчас.

– Так покажите мне ее.

– Что?

– Поэзию, которая заткнет за пояс тех из нас, кто печатается сейчас. Я ведь тоже шотландец и для поэзии не чужой человек. Во всяком случае, смею надеяться.

– Вы понимаете гэльский?

– Ни слова.

– Как же я Вам ее покажу?

– Нет ничего проще, молодой человек. Переведите. На это, я надеюсь, Вы способны?

– Но, господин Хоум, перевод не передаст и сотой доли оригинала.

– Если оригинал достойный, то и сотой доли будет достаточно.

– Вы шутите.

– Это вы здесь шутите или точнее строите из себя шута. Вы пришли впечатлить меня – не лгите. Так сделайте это. Переведите какую –нибудь поэму, только, пожалуйста, не самую худшую, приходите через два дня, а я как –нибудь сформирую свое мнение относительно гения гэльской поэзии.

По тяжелому взгляду Хоума Джеймс понял, что мнение будет формироваться не только относительно гения гэльской поэзии, но и ее переводчика.

Джеймс два дня не отходил от письменного стола, и в назначенный срок презентовал Джону Хоуму стихи, дрожа, как кролик перед удавом.

Там же был и куда более тепло расположенный доктор Блэр, друг Хоума и известный литературный критик. Его называли литературным тираном Шотландии, и Джеймс удивился, когда перед ним предстал приятный и даже несколько робкий тридцатипятилетний мужчина.

– Джон, ведь это же шедеврально! – воскликнул доктор Блэр после прочтения и ободряюще улыбнулся Макферсону, который начал потихоньку отгаивать.

– Да, да, очень недурно, – признал Хоум. – Лучше, чем я думал. Что ж, нам есть чем гордиться! За это надо выпить.

Они чокнулись. Джеймс пытался не показывать своей ра-

дости, и в итоге восхищения Блэра он принимал с почти выскомерным выражением лица.

– Но на мой взгляд как-то не закончено, – сказал Хоум.

– Действительно, это выглядит как часть большой поэмы, – согласился Блэр.

– А что-то еще у вас есть? – спросил Хоум, обращаясь к Джеймсу. Он прочитал вторую поэму, над переводом которой закончил работу всего несколько часов назад.

– Великолепно, – сказал Хоум. – Да тут целый эпос вырисовывается. О войнах Фингала. Говорите, их Вы слышали в вашей деревне?

– И в близлежащих.

– Что же можно найти во всей Шотландии? – Хоум посмотрел на Блэра.

– Думаешь, можно что-то собрать? – спросил тот задумчиво.

– Не все, но что-то. Легенды, предания, они как-никак наше национальное достояние. Нельзя позволить им просто испариться. Особенно когда они так и просятся к нам в руки. Мы литераторы, мы сумеем обработать их, связать. Легенды о Фингале! Вот это было бы фурор. Им же полторы тысячи лет. Макферсон, Вы готовы поехать со мной по местам Вашей юности, столь недавней?

– Это Вы должны быть готовы поехать со мной, – ошетинился Джеймс и понял, что попался.

– Отлично! Значит, отправляемся этим же летом.

– Но, Джон, послушай, ведь где гарантии, что там вообще что – то есть? Не стоит ли сперва все проверить? – засомневался Блэр.

– А мы это и сделаем. Или у тебя есть на примете кто – то, кто сделает это за нас?

– Рискованное предприятия, – покачал головой Блэр.

– Но если мы добьемся в нем успеха, мы красным впишем свое имя в историю литературы, – сказал Джеймс тихо, но уверенно.

– Прекрасно сказано, Макферсон! – воскликнул Хоум. – Хотя я тешил себя надеждой, что уже вписал туда свое имя. Но в моем возрасте не лишним было бы напомнить им о себе. Так сказать, обвести свое имя жирным цветом, чтобы точно не стерли. А вы, Блэр?

– Боюсь, моя комплекция не позволяет, – улыбнулся Блэр. – Но я готов участвовать иначе, и, если вы правда готовы, я организую сбор средств. Но где пройдет Ваша экспедиция? Не только же на малой родине господина Макферсона?

– Я предлагаю объехать все Высокогорье, раз уж на то пошло! В чем смысл ограничиваться парой деревень? Ведь мы не знаем, где искать, а по закону подлости именно в том месте, которое мы пропустим, и будет храниться весь шотландский эпос с тех пор, когда Адрианов Вал еще не был построен.

– Многие уверены, что на островах сохранились документы, которые в больших городах были бы давно потеряны, –

добавил Джеймс.

– Значит решено. Мы с Вами объедем все Высокогорье, включая острова, соберем необходимые материалы и предоставим миру легенду, которую считали потерянной тысячу с половиной лет. К осени мы войдем в историю.

2 глава

Хоум оставался с ним около трех недель, а потом заявил, что устал и хочет вернуться в цивилизацию. Джеймсу даже не было дано возможности протестовать. Хоум оставил ему достаточную сумму, чтобы с комфортом продолжить поиски, а на прощание напомнил, какую важность все в Эдинбурге предадут этому делу и с каким нетерпением все будут ждать его возвращения.

Джеймс честно проехал половину пути прежде, чем смирился с бессмысленностью этого занятия. И вот он остановился в ближайшем крупном городе и принялся за работу. Когда Джеймс вернулся в Эдинбург, половина поэмы уже была написана, а половина лежала в черновиках. История получилась настолько цельной, элементы, которые он успел найти, сходились вместе столь естественно, что не было смысла говорить, будто все это только разрозненные куски. Тогда Джеймс написал Блэру и сказал, что обнаружил невероятное. В его руках находились рукописи поэмы Оссиана, сына Фингала, который воспевал ратные подвиги своего великого отца.

После того как он решился на первый обман, каждый следующий казался все легче и легче.

В каком-то смысле он стал другим человеком. Джеймс по-

чувствовал это, когда ленивым и спокойным жестом показывал свои рукописи Блэру.

– Это же настоящий Оссиан! – восхищенно говорил Блэр. – Это чудо, Джеймс!

– Вы мне льстите.

– Нет, я абсолютно серьезен. Я знаю людей в Лондоне, которые были бы счастливы опубликовать Ваше произведение. Я свяжусь с ними немедленно...

Так он и сделал, как только помог Джеймсу закончить литературную обработку перевода и скомпоновать все части. Через несколько месяцев Джеймс Макферсон стал любимцем литературной богемы. Его обсуждали, его приглашали всюду, об аутентичности его произведений спорили, но он умело отбивал все нападки с наглостью, которую в себе и не подозревал. Должно быть, письма профессоров и литераторов, полные неподдельного интереса и нескрываемой зависти, привили ему это свойство.

Казалось, вся образованная Британия слышала об этих поэмах. Ирландия возмутилась тем, что шотландцы присвоили их народных героев. Его стиль признавали непревзойденным, хотя находились и те, кому не хватило исторической достоверности в легендарной поэме. Джеймс фыркал на них. Началась бурная литературная полемика. Волна дошла и до континента, и слава Оссиана прошла через всю Европу и донеслась до восточных границ Пруссии. Джеймс получал признательные письма со всей Европы.

Блэр, ставший его самым ярким защитником, писал многостраничные статьи, где тезисно доказывал, что Оссиану суждено превзойти славу Гомера. И очень многие разделяли его точку зрения.

Пока не появился Самуэль Джонсон.

Джеймс слышал вполуха от Хоума, что некто решил повторить его маршрут по Высокогорью якобы с целью доказать, что никаких манускриптов там днем со днем не сыщешь. Джеймс отнесся к этому спокойно. Он впервые проводил лето в Лондоне и не мог обращать внимания на все предупреждения, которые сыпались на него как из рога изобилия, ведь каждый лондонец считал своим долгом просветить его относительно опасностей высшего света.

Прошло некоторое время. Джеймс вернулся в Эдинбург, где купил квартиру недалеко от центра города, и читал лекции в университете. И вот однажды к нему вечером явились полузабытые друзья: Хоум и Блэр. Джеймс не хотел их видеть.

– Что привело вас в Эдинбург, дорогой Хоум, я думал, Вы в Лондоне надолго? – спросил он, пропуская их в гостиную.

– Решил Вас навестить, – сказал Хоум сухо.

– У меня все в порядке, не стоило волноваться, – ответил Джеймс в тон. – Тут у меня наконец – то появилось время для литературы и преподавания. Чего ещё я мог бы желать?

– Мы очень рады за Вас, Джеймс, – сказал Блэр осторожно. Они сели перед камином. – Это прекрасная новость. Не

правда ли, Джон?

– Да, – крикнул Хоум. Он посмотрел на Джеймса с ненавистью, тот ответил самодовольной улыбкой.

– Помнится, мы сидели так же втроём, когда счастливая мысль о поиске кельтских легенд озарила нас, – сказал Блэр с ноткой ностальгии.

– Помнится, вы сразу отказались участвовать, – напомнил Макферсон.

– Отказался поехать с Вами, не участвовать, – пожурил Блэр. – Джеймс, неужели я недостаточно сделал для успеха нашего детища? Мои поправки, советы, мои связи в Лондоне в конце концов! Если бы не мое здоровье, я был бы счастлив поехать с Вами, Вы знаете, что это правда.

Макферсон смягчился.

– Я не сомневаюсь в Ваших добрых намерениях, дорогой Блэр, но если Вы пришли ко мне по делу, я предпочел бы узнать, в чем состоит это дело.

– Вы хотите откровенности? – сразу вцепился в эту мысль Хоум. – Что ж отлично! Покажите нам оригиналы манускриптов.

Макферсон вскочил на ноги.

– Вы сомневаетесь в том, что они существуют?

– Я нет. Другие – о да.

– Вы называете меня лжецом! Я вызвал бы Вас на дуэль, если бы не уважал Ваши седины.

– Не надо носиться с моими сединами, Макферсон! До

Вас не могли не дойти слухи о том, что говорят повсюду, и о том, что этот паршивец Джонсон собирается сделать. Вы знаете репутацию этого человека: он чудовище и не погнушается выставить на посмешище любого, особенно шотландца.

– Ложь этого человека ни к чему не приведет. Если я начну оправдываться, все решат, что он вынудил меня!

– А если не начнете, все решат, что он прав!

– Джеймс, пожалуйста! – вмешался Блэр. – Ваша гордость не пострадает, если Вы станете защищать себя, когда на Вас клеветают. Покажите манускрипты хотя бы нам, чтобы мы могли с чистой совестью говорить, что видели их...

– Вы и видели их! Когда я вернулся из гор.

– Да, но только мельком. И я же не слова не понимаю на гэльском, это могло быть что угодно...

– Так зачем Вам смотреть на них?

– Чтобы убедиться, что они есть.

– Моего слова, слова вашего друга, Вам уже недостаточно!

– Макферсон, я требую, чтобы Вы взяли себя в руки!

Именно из-за нашей дружбы мы и печемся о Вашей репутации. Выставьте их на всеобщее обозрение, Вы ведь уже делали это в Лондоне!

– Да, делал, но очевидно, для доктора Джонсона этого было недостаточно, – огрызнулся Джеймс.

– Вы правы, – мягко согласился Блэр, – но тогда Вашу книгу только опубликовали, она еще не получила такой публичности и никому и в голову не приходила, что...

– Что я мошенник? Господа, я прошу Вас уйти.

– Черт бы Вас побрал, Макферсон! – сорвался Хоум. – Я лишь надеюсь, что Вы нас не потянете с собой на дно, куда Вы явно собираетесь.

Джеймс хлопнул за ними дверь.

Он не мог довериться никому. Безумная мысль посетила его: сфабриковать оригинальные документы, как он сфабриковал перевод. Но он тут же отмел эту идею – его несомненно раскроют, да с таким позором, который нельзя пережить. Нет, надо придерживаться той линии, которую он для себя выбрал. Он слишком горд, чтобы подчиниться требованию людей, которые принимают его за шарлатана. Вот оправдание, которое спасет его.

А Джонсону скоро наскучат шотландские селения, и он вернётся в свой Лондон, где займётся критикой более изысканных литераторов, благо критиковать их можно месяцами, не лишившись при этом поводов для недовольства.

Все так и будет. Несомненно.

3 глава

Это случилось в доме, где раньше его принимали с распростертыми объятиями. Джеймс привык, что там его ждала благодарная публика, ему улыбались, требовали, чтобы он рассказал что – нибудь эдакое про Оссиана и Шотландию и задавали уточняющие вопросы, которые даже имели отношение к делу.

В тот день все было иначе. На него посматривали косо, к нему предпочитали не обращаться, а бедняга, который уже заговорил с ним, нервно оглядывался, не зная, что он делал не так.

– Так, говорят, Ваша сестра счастлива в браке? – спросил он неловко.

– Вполне счастлива, – ответил Джеймс, чувствуя, что у него начинают краснеть уши. Он решительно делал вид, что ничего не замечает. – Ее муж влиятельный человек и мой близкий друг, как Вы знаете.

Джеймс устроил брак своей младшей сестры с известным юристом в Эдинбурге. Их мать благословила этот союз перед смертью.

– Простите, меня кажется зовут, – сказал его собеседник, покраснев, и убежал в другую комнату.

Джонсон вернулся из своей поездки и сразу стал утвер-

ждать, что в горах Шотландии нет и следа древних сказаний, не говоря уже о целой поэме. Джеймса трясло от наглости, с которой он об этом говорил, от высокомерия. Джонсон решил давать лекции: билеты были распроданы в миг по цене, в два раза превышающей первоначальную. Несомненно вся здешняя публика собиралась туда. И как только Джеймс выйдет, они начнут обсуждать, как они всегда считали его фальшивкой. Но о чем это он, они обсуждают это уже сейчас!

Лондон стал враждебным городом, пристанищем чудовища, которое хочет разрушить все, что ему было дорого.

Не подавая виду, что он обо всем догадался, Джеймс попрощался с умоляющей его не уходить хозяйкой и уехал.

Как он добрался до дома, он не знал. Перед глазами была пелена: полночи он метался по комнате, а потом заснул, как мертвец, придя к выводу, что старик ничего не сможет. Кучка скептиков, которые с самого начала ополчились против его Оссиана, посетит эту лекцию, а потом похлопают себя по плечу за свою сообразительность. Что с того? Эта лекция эфемерна, она начнется и закончится, а его книги реальны, они в доме каждого образованного британца. "Он лишь делает меня более известным".

Через три дня пришел Блэр и сдержанно сообщил, что лекция Джонсона имела огромный успех.

– Конечно, я спорил с ним до поседения. Я задавал каверзные вопросы, находил пробелы в его логике – она не всегда была безупречна. Но он отвечал так ловко, что поднял на

смех меня самого. Его слова производили ужасающее впечатление на публику, он будто загипнотизировал их. Даже я попал под его влияние и на секунду усомнился...

– Я подам в суд. На клевету, – хрипло произнес Джеймс, смотря себе под ноги.

– Джеймс, но это... это безумие! Вы сами привлечете внимание к делу! Не делайте ничего, успокойтесь, через неделю или две все забудут...

Но становилось только хуже. Уже издатели писали ему, требуя опровержение на слова известного критика. Уже ни один приличный дом не приглашал Джеймса к себе, ожидая развязки. Джонсон купался в лучах славы. Его выступления проходили всюду. Человек, ничего не знающий и не желающий знать о Шотландии, вдруг стал главным по ней экспертом.

– Езжайте в Эдинбург, – сказал ему Блэр. – Пока все не успокоится. Я вам сообщу...

Через две недели Блэр написал ему из Лондона: "Возвращайтесь и возьмите с собой рукописи."

Джеймс сделал, что мог. Он приехал в Лондон.

– Умоляю, скажите, что они с вами, – первым делом взмолился Блэр.

Джеймс покачал головой. Он был мертвенно бледен, но горный воздух вернул ему долю самообладания.

– Джонсон планирует напечатать книгу о своих путешествиях по Шотландии. В них он отзывается о Вас так – я знаю

через наших общих знакомых в редакции – он отзывается так, что это просто нельзя оставить без ответа.

– Он слишком стар, чтобы я мог вызвать его на дуэль и не прослыть убийцей стариков.

– Докажите его неправоту, пока он не доказал свою резонантность.

– Это риторика Хоума.

– Он приходил, – кивнул Блэр. – Он обеспокоен, как и я. Это от него я узнал обо всем. Он требует как ваш друг – и я присоединяюсь к его требованию, к его мольбе – покажите манускрипты! – Лицо Блэра сделалось жалким. – Ведь они есть у Вас?..

– Я не уступлю провокациям.

Блэр вздохнул. Он явно не надеялся на другой ответ.

– Тогда подавайте в суд.

– Вы думаете? – удивился Джеймс.

– Иного выхода нет. Я был здесь все время, я слушал все, что говорили о Вас, сколько бы боли мне это не доставляло. Джеймс, это катастрофа. Если мы ничего не сделаем, общественность встанет на сторону Джонсону и мы потеряем ее навсегда. Ваша репутация будет замарана. Вы нигде не сможете появиться. Никто не станет Вас печатать. Сделайте это.

Блэр внимательно следил за тем, как Джеймс писал жалобу в судебную инстанцию.

– Только поклянитесь мне ради самого себя, что у Вас есть эти документы?

– Я клянусь.

– Да поможет нам Бог.

4 глава

Джеймсу рассказали, что нервы Джона Хоума не выдержали и он нанес личный визит Джонсону, надеясь убедить его пойти на попятную. Ни к чему хорошему это не привело – теперь Джонсон был уверен, что речь шла о национальном заговоре.

Слухи о будущем судебном разбирательстве гудели по всему городу, и в первый день процесса под окнами суда собралась без конца разговаривающая толпа.

Джеймс почти никого не видел. Он находился в состоянии странного спокойствия. Дни напролет его друзья – а ими стали все враги Джонсона, – подбадривали его, забрасывали советами и ездили с ним по городу, как с флагом. Джеймс решил улыбнуться, заходя в здание суда, но заледенел на месте, стоило ему заметить Джонсона. Дородный Сэмюэл Джонсон стоял в окружении толпы обожателей, которые, если вставляли на цыпочки, доставали ему до плеч. пышный парик свисал на плечи, подобно двум белым песцам. Широкое лицо с носом картошкой улыбалось. Джеймс возненавидел его сразу же.

Когда все обратили внимания на Джеймса, Джонсон бросил на него мимолетный взгляд и, кажется, фыркнул.

Обозлившись, Джеймс решил, что будет показательно

смотреть в другую сторону во время выступления старика. Но слова не сдержал и запомнил каждое слово и каждую усмешку.

Сам Джеймс имел глупость говорить спокойным и ровным тоном. Он не снизошел до актерства, патетики и ярких выражений. Он выразил свои претензии четко и ясно.

Ему вежливо похлопали, пара человек зевнули.

Потом настал черед обвиняемого Джонсона.

– Суду наверняка уже известно мое отношение к творению господина Макферсона, – сказал Джонсон зычно. – Я считаю его фальшивкой. Господин Макферсон утверждает, что говорить это – значит оскорблять его личное достоинство. Но я Вам докажу, что оскорбления здесь нет, потому что есть чистая правда и это сам господин Макферсон оскорбляет всех присутствующих, утверждая обратное. Макферсон говорит, что нашел некие манускрипты, перевел их и литературно обработал. Так или нет?

Адвокат Джеймса кашлянул.

– Господин Макферсон среди прочего утверждает, что выслушивал устные предания, которые передались из поколения в поколения...

– Это не доказательство, – отмахнулся Самуэлс. – Даже если господин Макферсон приведет сюда шотландских мальчишек, которые прочитают нам стихи на гэльском языке, мы никак не докажем, что это не сам господин Макферсон их научил уже потом. Манускрипты – вот, что вещественно! Были

они или не были?

Джеймс сжал кулаки.

– Были! – крикнул он на весь зал.

– Благодарю за ответ, – презрительно улыбнулся Самуэлс. – Все слышали? Манускрипты были! Почему же господин Макферсон так упрямо отказывается показать их нам? Ведь это было бы самое простое и очевидное решение в его положении. Но нет, он продолжает отказывать, а мы продолжаем придумывать ему оправдания, которых нет и быть не может. Я задам еще один вопрос, но на этот раз не Макферсону, а всем здесь присутствующим – откуда манускрипты у народа, который не имел письменности?

Зал взорвался аплодисментами. Все заговорили и засмеялись.

– Манускриптов нет, – заключил Самуэлс с каким-то садистским удовольствием, и все снова примолкли. – Их нет, потому что их не может быть. Как они сохранились сквозь века войн и варварства? Уважаемая публика, не верьте в сказку, которой Вас пытается очаровать господин Макферсон. Верьте в факты! А устные предания – это еще одна сказка. Часто ли Вы слышите, чтобы какое-нибудь предание передавалось из поколения в поколение в таком качестве и на протяжении такого отрезка времени? Нигде этого не происходило, а в Шотландии произошло! Господину Макферсону нечего показать в свою защиту по очень прозаической причине: он виновен. Но что могло сподвигнуть его к та-

кой наглой и очевидной лжи? Причина еще более прозаическая: жажда славы. Молодой художник достаточно высоких дарований увидел, что его знаменитые друзья не интересуются им как поэтом, а исключительно как переводчиком. Он увидел для себя единственную возможность прославиться и ухватился за нее, как утопающий за соломинку. Остальное, господа, перед Вами. Радуйтесь, что мы обнаружили ложь так рано, пока она не успела пропустить корни...

Тут Джейс, бледный и трясущийся, предпринял попытку броситься на Джонсона, но его удержали и вывели из зала.

5 глава

Это был конец. Теперь уже точно.

Джеймс прекратил выходить на улицу. Не принимал гостей. Он остался в Лондоне, но только из желания не показаться трусом перед Джонсоном. Не хватало еще, чтобы надменный критик видел, как его поверженный враг бежит в Шотландию, поджав хвост.

Он и так видел достаточно. Джеймс со стыдом вспоминал, как после оглашения приговора кричал:

– Даже если он прав! Даже если я лжец и фальсификатор, как вы клеймите... Это лишь значит, что перед Вами большой талант. Вы зачитывались моими стихами, мои слова называли блестящим образцом древней эпохи. Вы, профессора и академики, вы не заметили ничего. Если я лжец, то вы глупцы! Не глупцы? Пусть. Если вы не глупцы, а я все равно лжец, то я гений!

Пока он этого не сказал, надежда еще была. Теперь Джеймс сам бросился в пропасть, к краю которой его подтолкнули враги.

Он впал в уныние.

В эти одинокие недели Джеймс часто представлял себе разговоры с Джонсоном, попытки убедить его в своей правоте, что в текстах всё – таки больше Оссиана, чем Макферсо-

на, что он создал истинное произведение искусства, которое будут помнить тогда, когда имена и Оссиана, и Макферсона будут в далеком прошлом, но Джонсон не приходил.

Однако, все каким-то образом обошлось.

О Макферсоне поговорили – поговорили, но постепенно новые скандалы отвлекли просвещенное общество. Его книги даже выиграли от всего произошедшего: теперь их покупали не только ценители культуры и следователи моды, но и любители скандалов. Джеймсу претило, что его считали лжецом, но льстило, когда на его тексты смотрели и спрашивали себя: так это все – таки написал Макферсон или Оссиан?

Он ощущал, что в отношении к нему публики что-то изменилось. Появилось то ли снисхождение, то ли принятие за своего. Джеймс чувствовал себя грязным, когда уходил с встреч, и не терпел смех – ему всегда казалось, что смеялись над ним. Даже маленькие статьи перестали ему удаваться, не говоря уже о стихах и поэмах. Джеймс планировал заняться политикой.

– Он почти убил меня и даже не смотрит в мою сторону, – сказал Джеймс Блэру, когда Джонсон оказался на одном вечере с ними.

– Помилуйте, Джеймс. Вы не мертвы.

– Литературно я мертв.

– Прекратите. Все очень ждут ваше следующее сочинение. Вы, возможно, самый знаменитый человек на Британских островах.

Джеймс ничего не ответил.

– Жизнь продолжается, как ни удивительно. – Блэр хлопал его по плечу. – Кстати, я Вам никогда не говорил... Ведь Оссиан, он очень хорошо написан, очень хорошо. Ну, до свидания.

Джеймс почувствовал, будто ему дали пощечину, но спокойно сказал:

– До свидания, Блэр.

“Вот и Блэр не верит...”

Оставшись один, Джеймс присоединился к самой громкой компании, натянуто улыбнулся и вступил в разговор о свежих литературных происшествиях.